

Пол Э. Самуэльсон

МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ — РЕВОЛЮЦИЯ В ТЕОРИИ*

PAUL A. SAMUELSON

THE MONOPOLISTIC COMPETITION REVOLUTION

Немного о социологии знания

Историк науки не удивится тому, что Эдвард Чемберлин и Джоан Робинсон¹ в один и тот же год написали, не сговариваясь, книги, которые окончательно порывают с предположениями о совершенной конкуренции. Ньютон и Лейбниц одновременно открыли дифференциальное исчисление, потому что эта идея «носила в воздухе», ожидая своего открытия. Таким же образом 1933 г., году создания «Теории монополистической конкуренции» и «Экономической теории несовершенной конкуренции», предшествовало десятилетие интенсивных дискуссий относительно природы конкуренции, так называемая «cost controversy», начатая известным возражением Клэпхема по поводу «пустых ящиков» экономической теории.²

Многие великие имена современности участвовали в этой дискуссии: Аллин Янг, Найт, Дж. М. Кларк, Деннис Робертсон, Роббинс, Вайнер, Шоу, Харрод, Шумпетер, Ингема, Хотеллинг, Сраффа, Пигу, Дж. Робинсон, Кан и многие другие.³ Обращаясь к прошлому, я могу сказать, что это были скорее всего бесплод-

* Опубликовано в книге «Monopolistic Competition Theory» (Ed. by R. E. Kuenne. New York, 1967). Печатается по сборнику «Microeconomics: Selected Readings» (Ed. by E. Mansfield. New York, 1971).

¹ Chamberlin E. H. The Theory of Monopolistic Competition. 1st ed. Cambridge, 1933; 8th ed. Cambridge (Mass.), 1962; Robinson J. Economics of Imperfect Competition. London, 1933 (русский перевод: Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. М., 1959; Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986.— Прим. ред.).

² Имеется в виду статья Клэпхема «О пустых ящиках экономической теории». (Прим. пер.)

³ См., например: Stigler G. J., Boulding K. E. (Eds.). Readings in Price Theory. Homewood, Ill., 1952. В книге содержатся статьи

ные разговоры, и дальше я покажу это. Но история науки достаточно полно свидетельствует, что ее развитие непрямолинейно. Сделав крюк и зайдя в тупик, наука должна продвинуться вперед через отрицание, сбросить балласт.

Проницательный историк науки не будет удивлен также тем, что сходные открытия, которые выглядят похожими, при более тщательном изучении оказываются в сущности разными. В нашей области экономической теории есть обычай ставить на одну доску Джевонса, Менгера и Вальраса как независимых друг от друга первооткрывателей субъективной теории ценности и полезности; но если мы окинем взглядом столетие, то увидим, что вальрасовская формулировка общего равновесия совершенно затмила блестящие работы его современников и он мог бы быть избавлен от мук открытия того, что уже было открыто Джевонсом и что оба они считали самым важным.

Чемберлин всегда убедительно и настойчиво требовал не смешивать результаты, полученные им самим и м-с Робинсон. Потомки поймут его. Но в свойственной им манере они объединяют в оптимальный пакет то, что посчитают наилучшим в каждой из систем. Таким образом, хотя Чемберлин и говорит, что его работа не была вдохновлена *cost controversy*, мы обнаруживаем серьезные как структурные, так и текстовые аналогии в исторических документах, указывающие на его путешествие «по дороге в Дамаск» с 1921 по 1927 г., и позднее, в структуре и ткани его классической работы 1933 г. Но опять же, как известно каждому социологу науки, существует обратная связь между читателями содержательной работы и ее автором. Большинство читателей Чемберлина, как в Америке, так и в Англии, были обеспокоены *cost controversy*. Аллин Янг, руководитель диссертационного исследования Чемберлина и учитель Фрэнка Найта, который в свою очередь учил Чемберлина, был заметным участником дискуссии. Хотя мы имеем исчерпывающие данные, что и до и после 1933 г. Эдвард Чемберлин был ученым-одиночкой с неистощимой способностью к постановке и решению проблем своим собственным

Дж. Клэпхема (1922), А. Пигу (1922), Д. Робертсона (1924), Ф. Найта (1924), П. Сраффы (1926) и Дж. Вайнера (1931). Ср. также: *Clark J. M. Economics of Overhead Costs. Chicago, 1923*. Помимо того, что дискуссия подготовила почву для теорий монополистической и несовершенной конкуренции, она еще и привела к лучшему пониманию теории конкуренции.

путем, все равно ни один человек не может быть изолирован от самого себя. Если A каким-либо образом оказывает влияние на B , а B оказывает влияние на C и т. д., то нет никаких оснований исключать взаимное влияние между A и Z , даже если они никогда не виделись или не имели непосредственного контакта.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть влияние на м-с Робинсон книги Дж. М. Кларка «Экономика накладных расходов»,⁴ написанной в 1923 г. Нет оснований полагать, что она никогда не слышала об этой книге. Но если Робертсон, Пигу, Шоу, Остин Робинсон, Кая или другие члены кембриджской группы читали когда-либо эту работу, то некоторая степень влияния не может исключаться историками науки, хотя вряд ли им удастся измерить степень этого влияния. Или рассмотрим статью Сраффы,⁵ написанную в декабре 1926 г. Нет никаких сомнений, статья апреля 1927 г. могла быть написана совершенно независимо от нее, тем не менее для нас не было неожиданностью, что книга Чемберлина 1933 г. обнаружила большое сходство между последней частью *Weltanschauung* Сраффы с завершенной теорией монополистической конкуренции. Перечитав Сраффу перед написанием этой статьи, я обнаружил некоторые моменты, которые, как мне показалось, были написаны в духе Чемберлина, а впоследствии я заметил, что некоторые из них были процитированы в начале книги Чемберлина.

Последняя иллюстрация невозможности игнорировать независимые сходные научные открытия может быть взята из области международной торговли и экономики благосостояния. Блестящие молодые ученые Лондонской школы экономики Лернер, Хикс и Калдор разработали в 1930 г. графические модели международного обмена и то, что сегодня мы называем необходимыми условиями оптимальности по Парето. Тщетно вы будете искать ссылки на Вильфредо Парето, хотя его книга была хорошо известна этому кругу читателей. Причина? Парето довольно малоизвестный писатель, предмет тонкий, а среди этих людей есть достаточно творческие, и это заставляет меня думать, что влияние Парето было в лучшем случае подсознательным. Совершенно другой вид влияния я связываю с именем Вайнера. В январе 1931 г. Вайнер выступил с публичной лекцией в Лон-

⁴ См. прим. 3.

⁵ Имеется в виду очерк Сраффы «Законы доходности в условиях конкуренции». (Прим. ред.)

донской школе экономики о международной торговле, в которой он соединил границу производственных возможностей Хаберлера с кривыми безразличия потребителя. Любой, включая лектора, мог забыть тот факт, что лекция была. Но ничто не сможет изменить того, что отныне еще одно независимое переткрытие этой части анализа в данной среде становится невозможным. Даже если бы Виктор Эдельберг понял Вайнера...⁶

Теоретические недостатки совершенной конкуренции

Цель моей статьи не в том, чтобы выявить конкретный вклад, внесенный Эдвардом Чемберлином в теорию цены. Он сделал превосходную работу, и мы можем безоговорочно принять ее. Наконец настало то время, когда мы можем позволить себе использовать термины «монополистическая конкуренция» и «несовершенная конкуренция» как взаимозаменяемые, освободив их от первоначальной связи с различными концепциями Чемберлина и м-с Робинсон и используя их как подходящие названия лучшей из современных моделей теории цены.⁷

Моя цель состоит в том, чтобы обсудить некоторые *теоретические* причины того, почему теория совершенной конкуренции дает эмпирически несовершенную модель реального мира. Для этого нам потребуется рассмотреть несколько версий теории монополистической, или несовершенной, конкуренции. Чикагские экономисты могут кричать до посинения, что не суще-

⁶То, что принцип компенсации в отношении теряющего от свободной торговли должен был быть сформулирован в конце 30-х гг. при помощи того же самого примера, который Вайнер использовал ранее, показывает также косвенное влияние Вайнера на Лондонскую школу, но последняя использует более скучные детективные приемы, чтобы проследить их неосознанные соглашения. См.: *Viner J. Studies in the Theory of International Trade. New York, 1937. P. 521.*

⁷По общему признанию, «нечистая (*impure*) конкуренция» — более подходящее название, чем «несовершенная конкуренция», в отношении того, что отсутствие совершенного знания, согласно Чемберлину, все же может сделать фирму чистым конкурентом, столкнувшимся с той ценой, по которой он может продавать все, что угодно, но «нечистая конкуренция» звучит подозрительно, а «монополистическая конкуренция» звучит зловеще, и поэтому мы находим наиболее подходящим название *несовершенная конкуренция*.

ствуует ясной альтернативы теории совершенной конкуренции.⁸ Если это так, то можно сказать: «Тем хуже для этой теории».

⁸ *Stigler G. J. Five Lectures on Economic Problems. London, 1950, в частности лекция 2 «Monopolistic Competition in Retrospect»; Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago, 1953. Ch. 1; Chamberlin E. H. Toward a More General Theory of Value. New York, 1957. Ch. 15; Archibald G. C. Chamberlin versus Chicago // Rev. Econ. Stud. 1961. Vol. 29. P. 2-28; Stigler G. J. Archibald versus Chicago // Ibid. 1963. Vol. 30. P. 63-64; Friedman M. More on Archibald versus Chicago // Ibid. P. 65-67; Archibald G. C. Reply to Chicago // Ibid. P. 68-71.* Во-первых, я должен подчеркнуть, что, несмотря на некоторую двусмысленность в работе Чемберлина, «большая симметричная группа» не должна рассматриваться как раскрывающая содержание понятия «монополистическая конкуренция» и даже не может составлять какую-либо значительную часть этой теоретической революции. Во-вторых, хотя я сам подчеркивал в моей работе «Основы экономического анализа» (*Foundations of Economic Analysis. Cambridge (Mass.), 1947*) важность эмпирически проверенного применения неравенств максимизации второго порядка, я должен отмежеваться от критики Арчибалдом чикагской позиции, которая состоит в демонстрации того, что теория Чемберлина имеет несколько явных заимствований из моих «Основ». Если в реальном мире обнаруживаются разнообразные стили поведения, которые учитываются моделями Чемберлина—Робинсон — и я уверен, что чикагские экономисты просто ошибаются, отрицая существование таких значительных эмпирических отклонений, — то реальность будет искажать *многие* важные качественные и количественные прогнозы конкурентной модели. Поэтому по прагматической проверке адекватности предсказаний модели совершенной конкуренции прогноз не может быть достаточным приближением. Когда Фридмен утверждает (*Friedman M. Essays... P. 36-37*), что вид налогообложения сигаретной промышленности таков, каким он может быть для конкурентной отрасли, он по большому счету показывает, что *некоторые* прогнозы теории совершенной конкуренции адекватны. В той степени, в которой другие прогнозы нарушаются, — цена потребителя приблизительно равна предельным затратам, затраты на рекламу равны нулю — конкурентной модели не удается пройти прагматическую проверку на точность предсказаний.

Тот факт, что модель Чемберлина—Робинсон «пуста» в смысле отсутствия эмпирических рекомендаций и способна выдавать только формальные описания, не является главной причиной отказа от нее в пользу «полных» моделей конкурентного типа, *если реальность так же «пуста», а не «полна».* До 60-х гг. теория элементарных частиц была так же «пуста», а ньютоновская механика так же «полна», но только идиот мог пытаться в 60-х гг. использовать ньютоновскую модель, чтобы описывать физику высоких энергий. Возвращаясь к теории монополии для объяснения затрат на рекламу и теории конкуренции для объяснения некоторых случаев налогообложения, мы должны будем продвигнуться не на один шаг, и то, что утрата свободы входа на рынок при несовершенной конкуренции не может быть предсказана некой смесью положений, выбранных из каждой теории, объясняет неизбежность революции 1933 г. (Ср.: *Bishop R. L. Monopolistic Competition after Thirty Years :*

а не «Экономисты всех стран, объединяйтесь, чтобы провозгласить короля почти голым и претендовать на то, что теория совершенной конкуренции достаточно хороша для отражения реальной картины мира». Не раз мне придется говорить, что мы, теоретики, уехав из Cook County,⁹ вернулись в последнюю четверть прошлого века, выбрав трусливый путь ухода от важных вопросов, поставленных реальным миром экономики, и навязывая вместо них красивые ответы на менее интересные и легкие вопросы.

Изгнание маршаллианских духов

Двусмысленности Альфреда Маршалла на три десятилетия парализовали лучшие умы англосаксонской ветви экономической науки. К 1930 г. экономическая наука лишь заново достигла понимания чистой теории монополии, которую Курно разработал в 1838 г.; и ей пришлось еще раз вновь переосмыслить теорию общего конкурентного равновесия, которую Бальрас завершил к 1878 или к 1896 г.

Хотя Маршалл был великим экономистом, оценивая его саможытность, мы должны помнить, что он хорошо знал работы Милля, Курно, Дюпюи, Мэнгольда. Если мы примем за чистую монету его заявление, что он немногим или совсем ничем не обязан таким современникам, как Джевонс и Вальрас, — а я думаю, что единственный правильный ответ в этом случае таков: «Ну и зря», — мы должны понять: нет ничего ценного в теории частного равновесия в условиях совершенной конкуренции, которая

The Impact on General Theory // Amer. Econ. Rev. Papers a. Proc. 1964. Vol. 54. P. 33-43).

В качестве последнего примера рассмотрим такую идею: многие фирмы устанавливают свои цены по типу «полные затраты плюс процент прибыли (full-cost mark-up)» (Hall R. L., Hitch C. J. Price Theory and Business Behavior // Oxford Econ. Papers. 1939. Vol. 2. P. 12-45). Можно возразить, что это пустая формулировка, потому что в зависимости от альтернативных оценок эластичности спроса и альтернативных особенностей входа на рынок конкурентов эта модель может привести к установлению цены выше предельных затрат в любом процентном отношении. Допустим, но по какой логике это позволяет кому-либо заполнить вакуум утверждением о конкурентном значении P , равном MC , или P , равном единице, плюс ϵ раз MC ?

⁹Округ, в котором находится город Чикаго. (Прям. пер.)

была разработана тем, кто имел несчастье родиться как экономист *после* Курно, Милля, Дююи и Мэнгольдта.¹⁰

К несчастью, из-за его нежелания провести четкое разграничение между совершенной и менее чем совершенной конкуренцией Маршаллу удается задержать развитие и теории конкуренции, и теории монополии. Эджуорт почти современник Маршалла, но, видимо, он был до смерти напуган этим именитым викторианцем. Глубоким исследованиям Эджуорта двусторонней монополии и различных видов олигополии уделялось мало внимания со стороны ученых маршаллианской традиции вплоть до 1934 г., когда появилась работа фон Штакельберга, и 1944 г., когда появилась «Теория игр» фон Неймана и Моргенштерна, в которых современная литература переосмыслила смерть эджуортского анализа.¹¹

Не будем заблуждаться на этот счет. Теория простой монополии — это детская игра. Смешно, что взрослые люди с серьезным видом спорили в 1930 г. о том, кто первый использовал или определил кривую, которую сейчас мы называем «предельной выручкой». Курно установил это веком раньше и в совершенно совре-

¹⁰Свидетельством в пользу неоспоримости моих рассуждений *a priori* по этому поводу служит тот факт, что и Флеминг Дженкин (1870), и Ауспиц и Либен (1889) разработали основы теории частного равновесия до того, как Маршалл написал в 1890 г. свои «Принципы экономики», в этом отношении не помогла бы и работа Маршалла 1879 г. «Чистая теория отечественной и международной ценности» («The Pure Theory of Domestic and International Values»), которая едва ли имеет дело с частным равновесием и заслуживает поэтому высшей похвалы.

¹¹*Stackelberg H. von. Marktform und Gleichgewicht. Berlin, 1934; Fellner W. Competition Among the Few. New York, 1949; Neumann J. von, Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton, New Jersey, 1944 (русский перевод: Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970. — Прим. ред.). Глава 23 и Приложение А в работе Чемберлина дают ценные, но не совсем адекватные историю и анализ проблем двусторонней монополии, дуополии и общих проблем теории игр. В частности, идея 1929 г. о том, что Эджуорт главным образом был известен из-за его «колебательного» решения для дуополии, есть страшное преуменьшение. К 1897 г. Эджуорт уже имел ясное представление о безграничных возможностях теории игр: его «Арктические исследователи» («Arctic Explorers») уже наметили решение фон Штакельберга 1934 г. и многие другие (*Edgeworth F. Y. Papers Relating to Political Economy // Royal Economic Society. London, 1925*). В самом деле, в своей «Математической психике» (*Mathematic Psychics. London, 1881. P. 35–39, 139–148*) Эджуорт уже предвидел современную концепцию «ядра» игры в его отношении к большому числу продавцов.*

менной манере, так что читатель, который достанет английский перевод его книги и захочет отгадать дату ее написания только на основе знания литературы о *cost controversy*, может отнести ее к 1927 или к 1933 г. Чемберлин всегда настаивал на том, что суть его вклада в теорию не имеет ничего общего с повторным открытием и наименованием простых предельных кривых. Мы охотно согласимся с ним. Правильно ли будет сказать, как иногда делается, что книга м-с Робинсон отличается от его книги тем, что это прежде всего книга о монополии, это, я думаю, более трудный вопрос. В значительной степени ее книга — книга о монополии, и скорее всего у читавшего ее было мало оснований заявить, что время, потраченное на чтение, он мог бы с большей пользой потратить на изучение учебника Ирвинга Фишера по дифференциальному исчислению. Верно, что простая теория монополии — это нечто иное, чем элементарное дифференциальное исчисление, в котором обычные и частные производные полагаются равными нулю, причем требуется, чтобы производные более высокого порядка не были бы положительными. Маршалл был так влюблен в свою жалкую гиперболу единичной эластичности, что допустил прямую склонность к простой монополии, ставшей в первой трети нашего столетия полем для квазинезависимых открытий литературными экономистами, приверженцами этих элементарных представлений.¹²

Возврат в теорию монополии

В чем Маршалл сбросил со счетов два поколения ученых, так это в своем желании совместить несовместимое. В одно и то же время он пытался рассматривать случаи менее чем совершенной и совершенной конкуренции. Он пытался получить некоторое подобие правдоподобности с помощью разговоров о какой-то биологической динамике, не сумев объяснить разницу между обратимым и необратимым развитием. Он настаивал на смешении вопроса о внешней экономии и неэкономичности, который играл важную роль в работе такого домаршалловского ученого,

¹²*Nichols A. J. Robinson's Economics of Imperfect Competition // Journ. Polit. Econ. 1934. Vol. 42. P. 257–259.* Действительно, когда м-с Робинсон начинает обсуждать мир монополий и другие вопросы, она идет гораздо дальше теории простой монополии.

как Генри Сиджвик, с совершенно отдельным (и отделимым!) вопросом изменения законов отдачи. Маршалл так боялся быть нереалистичным, что, пытаясь покончить с неточностью и беспорядком, просто запутался.

Пусть это резкие, но зато тщательно мною выверенные суждения, и я высказываю их, ибо никто не сможет понять суть вопроса, если он не осознает, что большая часть работ 1920—1933 гг. ставила перед собой задачу сойти с Маршалловой колеи. У меня нет документального подтверждения моему мнению, и я приведу лишь единственный пример того, что я имею в виду.

Во-первых, та часть теории простой монополии, которая состоит из простых и понятных теорем,— о том, что общая сумма налога или налог на чистую прибыль не влияют на монопольный выпуск, притом как налог на валовой доход или выпуск снижает объем выпуска и увеличивает цены,—хорошо известна любому прочитавшему Курно и содержит в себе немного больше, чем вычисление одной переменной.

Во-вторых, кто из нас не прерывал резко чтение Маршалла, когда неожиданно среди разговора о «конкуренции» оказывалось, что некоторым предпринимателям не удается сделать что-то из-за их «боязни испортить рынок»,— верный признак своего рода несовершенности конкуренции? Такого рода заблуждения, которые приводят меня в ужас, воспринимаются некоторыми современными учеными как знак прозорливости и мудрости Маршалла в отношении обыденных фактов. «Все в Маршалле»,— говорят они, забывая прибавить: «Все слова экономики есть в словаре Вебстера¹³ или на кончиках пальцев обезьян в Британском музее». Но так же, как нужно быть более, чем обезьяной, чтобы увидеть статую Микеланджело в старом куске мрамора, точно так же надо быть не просто учеником Маршалла, чтобы увидеть здравый смысл, который там «забалзамирован». Вина Маршалла в его претензии изучать несовершенную конкуренцию приемами, пригодными только для изучения совершенной конкуренции.

В-третьих, Маршалл был жертвой того, что сейчас фрейдисты называют отращиванием к самому себе. Он был честным шахматистом, который стыдился шахмат, хорошим экономистом-аналитиком, который стыдился анализа. Он хорошо понимал

¹³ Имеется в виду «Webster's School Dictionary». (Прим. пер.)

требование Курно: кривая предельных затрат не должна быть понижающейся для чистого максимизирующего конкурента, но уклонялся от простого принятия этого факта. Вся его болтовня насчет методов биологии в экономике (несомненный прогресс последних десятилетий в биологии, происходящий в результате использования приемов физики, подтвердил мое заявление двадцатилетней давности, в котором говорилось, что уникальный биологический метод представляет собой в основном пустую болтовню) не смогла изменить такой факт: любой прайс-тейкер,¹⁴ который может продать больше по действующим ценам, чем он продает сейчас, и предельные затраты которого падают, не будет находиться в равновесии. Разговор о пчелах и птицах, об огромных деревьях в лесу и вырождающейся династии предпринимателей — все это очень хорошо, но почему надо закрывать глаза на такой элементарный вопрос?

В-четвертых, это ведет к дальнейшему смещению Маршаллом явлений *внешнего* эффекта и увеличения отдачи. Так как Маршалл¹⁵ сделал элементарную ошибку при графическом определении излишка потребителя, забыв принять в расчет излишек производителя (досадная ошибка для человека, который всегда правильно настаивал на том, что спрос и предложение — это ножницы, которые всегда имеют два конца), он пришел к тому, что, видимо, сходно с существующим политическим принципом: *облагать налогом, чтобы ограничивать отрасли с возрастающими затратами; субсидировать, чтобы развивать отрасли с падающими затратами.*

Как только мы поздравим себя с тем, что экономика «здорового смысла» на этот раз принесла какие-то плоды, мы тут же приходим к осознанию, что это совершенно неправильно. Просто это звучит как понятия, которые действительно являются верными. Отрасли с увеличивающейся отдачей, вероятно, когда-нибудь будут монополизированы, и монополия установит цену, превышающую предельные затраты, и это превышение *prima facie* создаст условия для легального расширения данной отрасли.

¹⁴ price-taker (ценополучатель) — фирма, находящаяся в условиях совершенной конкуренции, не влияющая на цены своей продукции. (Прим. ред.)

¹⁵ Marshall A. Principles of Economics. London, 1890. B. V. Ch. XIII. P. 467–470 (русский перевод: Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1984. Т. 2. С. 164–168. — Прим. ред.)

Более того, с ростом отдачи предельные затраты окажутся ниже средних и поэтому ценообразование на основе предельных затрат потребует государственных субсидий. Но подождите: это *конкурентное* снижение затрат в отрасли, о котором мы говорили, — противоречие в терминах, так как увеличивающиеся доходы являются *внутренними* для фирмы. Поэтому маршаллианцы торопятся сказать, что такое снижение затрат, конечно, должно происходить благодаря уже упомянутой *внешней экономии*, которая и должна быть субсидирована. Субсидирование внешней экономии действительно правильно, но, к несчастью для ложной теоремы Маршалла, внешняя экономия должна быть субсидирована даже тогда, когда она имеет место в отраслях, которые постоянно увеличивают затраты; а внешняя неэкономичность требует наказания даже в том случае, когда она имеет место в отраслях со снижающимися затратами. Проблема в том, что Маршалл просто ошибся, когда сосредоточил свое внимание на влиянии внешней неэкономичности и экономии на удельные затраты отрасли. Потребовалась эпоха Пигу, чтобы вывести экономику благосостояния из маршаллианских чудачеств и недоразумений.¹⁶

Возврат в теорию совершенной конкуренции

Маршалл оказал плохую услугу теории монополии и теории менее чем совершенной конкуренции, одновременно с этим он неумышленно задержал понимание общего равновесия. (Я должен был написать «вальрасовского общего равновесия», но есть только одно общее равновесие, какое бы имя оно не носило). С некоторой долей иронии можно сказать, что до самого оконча-

¹⁶ Аллин Янг в своем обзоре работы Пигу 1912 г. «Богатство и благосостояние» («Wealth and Welfare») указывал на ошибку Пигу, считавшего, что увеличение арендной платы в отрасли, производство в которой расширяется, представляет собой не более чем временное явление, которое может иметь место. Позднее Найт и Робертсон сделали такое же замечание, и Пигу в конце концов сдался. Краткое изложение и выводы см.: Ellis H. S., Fellner W. External Economies and Diseconomies // Amer. Econ. Rev. 1943. Vol. 33. P. 493–511. Моя, в основном критическая, оценка Маршалла разделяется не всеми, но такая тенденция заметна, и существенно, что оставшиеся защитники Маршалла среди теоретиков удовольствовались тем, что считают теорию совершенной конкуренции некоторым приближением к реальности.

ния второй мировой войны экономисты не начали думать в терминах общего равновесия. Как будет видно, это представляет продвижение в направлении логической ясности, но некоторое отступление в смысле реалистической оценки существующих несовершенных конкурентных рыночных структур.

Если есть должное понимание общего равновесия, то возможно достигнуть на первое время понимания и частного равновесия. Работы Чемберлина и его современников, участвовавших в *cost controversy*, наряду с задачей развития анализа монополистической, или несовершенной, конкуренции имели задачу развития прежде всего надлежащего анализа взаимосвязи между фирмами и отраслью. Эта задача, которой пренебрег Маршалл, не нужна была Вальрасу для его идеальной модели общего равновесия. Потому что, как мы еще увидим, совершенная конкуренция развивается весьма гладко, когда жестко соблюдается крайнее предположение о *постоянной отдаче от масштаба*. И тем не менее именно при строго постоянной отдаче от масштаба теория фирмы испаряется.

Если масштаб не имеет значения, то несущественно, где мы проведем границы фирмы и проведем ли мы их вообще. Так сказать, потребные количества рабочей силы и удобрений определяются в тех же самых пропорциях повсюду на однородных полях Айовы, и именно спрос на продукцию отрасли диктует общий объем производства при данном соотношении факторов. Или, как об этом говорил Виксель, при постоянной отдаче от масштаба и в статических условиях определенности несущественно, какой именно фактор является нанимающим. Все факторы как бы случайно собрались вместе по принципу естественного отбора Дарвина в надлежащем количестве с некоторыми отклонениями из-за нехватки жизненной силы. Как труд требует средств производства и земли, так и капитал требует труда и земли. (Как мы увидим, ситуация мало меняется, если строгое условие постоянной отдачи от масштаба ослабляется в пользу комбинаций факторов с наименьшими затратами).

Это умерщвление (*euthanasia*) концепции фирмы в условиях самой совершенной конкуренции — хотя на самом деле это странная постановка вопроса, так как то, что никогда не существовало, не могло умереть, — парадоксальным образом взволновало ученых 20—30-х гг. Такие ученые, как Калдор и Хикс, видимо, согласились с Шумпетером в том, что подталкивание теории со-

вершенной конкуренции к ее крайним предположениям привело окончательно к тому, что она взлетела на воздух. Таким образом, постоянная кривая удельных затрат, совпадающая с горизонтальной кривой спроса фирмы, сделала совершенно неопределимым (Экономисты-математики столкнулись с тем же самым явлением в случае единичной матрицы Гессе, связанной с однородными функциями и полуопределимыми квадратичными формами). Мой пример с полями Айовы показывает, что неопределимость фирмы упоминалась некстати по той причине, что при строго постоянной отдаче несущественно, как именно выпуск отрасли (определенной!) распределяется между фирмами. Эти ученые ошибались, предполагая, что фирма, находящаяся в нейтральном равновесии, может безнаказанно расширяться до бесконечности, пока она не «монополизирует» отрасль. На самом деле, как было указано ранее,¹⁷ даже если фирма имеет 99 или 100 % отраслевого выпуска, при оговоренном характере отдачи, она имеет *нулевую* долгосрочную монопольную власть: чистый долгосрочный спрос и его кривая получаются путем вычитания из отраслевой кривой горизонтальной кривой предложения действительных и *потенциальных* поставщиков, в результате получается горизонтальная кривая долгосрочного спроса отдельной фирмы, подобно конституционному монарху, который может царствовать пока не приwit.¹⁸

Позывные революции

Пустые ящики, которые Клэпхем вынужден был просить заполнить в 1920-х гг., не были, таким образом, маршаллианскими категориями возрастающих, постоянных и убывающих затрат

¹⁷ Samuelson P. A. Foundation of Economic Analysis. P. 78–79.

¹⁸ Даже для технологии с постоянной отдачей существуют преимущества (и нет недостатков!), происходящие из того, что собственники какого-то особого фактора производства, например земли, пригодной для выращивания тутового дерева, образуют союз, который расширяет их монопольную власть. Мы не должны удивляться тому, что учет собственного интереса, которому Адам Смит доверяет действовать Невидимой рукой совершенной конкуренции, должен побуждать людей использовать избирательные урны демократии, чтобы установить контроль над урожаем и другими программами государственного вмешательства в механизм совершенной конкуренции. Для психологов индивидуализм Бентама и фабианство Веббов выступают на уровне побудительного мотива или даже призыва.

при конкуренции. Пустыми ящиками были описание и классификация типов рынка, которые включали все возможные модели олигополии, монополии, дуополии, дифференциации продуктов с высокими и низкими качественными характеристиками и т. д. Но в то время Чемберлин еще не создал нового теоретического видения экономического мира.

Заслуженно известная статья Пьеро Сраффы 1926 г. проливает новый свет на анализ маршаллианского влияния. Действительно, отрасли, в которых затраты падают в связи с внешней экономией, являются, вероятно, *курьезом*. Если конкурентная отрасль мала и по степени использования ею особых факторов существенно отличается от большинства остальных отраслей, она имеет тенденцию оказаться в положении отрасли с *постоянными* затратами. В этом мы можем согласиться со Сраффой.

Но этот случай постоянных затрат не представляет существенной особенности для политики или других целей, отличающихся от того положения, которое Сраффа излишне приуменьшил — случай, при котором отрасль использует несколько факторов, дающих только ей особые преимущества, или когда она использует разнообразные факторы производства в соотношениях, значительно отличающихся от остальных отраслей. В этом случае и особенно там, где мы добавляем реалистическое предположение, что почти любой продукт, который вы назовете, есть некий комбинированный продукт, произведенный совместно и внутри частной конкуренции с какими-то побочными продуктами, увеличение спроса на продукты этой отрасли *будет* иметь результатом увеличение затрат и относительных цен. Такие случаи не создают абсолютно никаких сложностей для общего равновесия, хотя Сраффа, вероятно, был и прав, считая, что они нарушают частное равновесие (это так плохо для анализа частного равновесия Маршалла и прочих!). Момент, который необходимо подчеркнуть для читателей Сраффы, состоит в том, что *эти* явления и усложнения сами по себе не создают необходимости в теории монополистической конкуренции. Эта теория на самом деле необходима при трактовке подлинных эмпирических отклонений от совершенной конкуренции. Простое взаимовлияние по существу конкурентных отраслей должно было привести Сраффу только к оправданию отказа от маршаллианских моделей частного равновесия в пользу вальрасовских моделей общего равновесия.

Сегодня в результате совершенно иных исторических реалий мышление в духе общего равновесия сметено областью аналитической экономики. Современный теоретик может сказать, что графический анализ оптимального размещения ресурсов между отраслями — это и есть как раз инструмент для объяснения стандартного случая возрастающих затрат. Граница производственных возможностей, или так называемая линия трансформации альтернативных затрат, схватывает сущность явления. Но вспомним, что эта граница была впервые введена в связи с анализом Хаберлером международной торговли только в 1930 г. Именно после 1930-х гг. Столпер и Самуэльсон, Джоан Робинсон и Вайнер объяснили случай возрастающих затрат, рассматривая его в контексте общего равновесия и используя диаграммы факторов или равнозначные вербальные рассуждения.¹⁹

К счастью, неудачная попытка Сраффы осознать, что вальрасовская модель будет содержать множество недостатков маршалловского частного равновесия, сослужила хорошую службу, подтолкнув его дальше по пути к теории монополистической конкуренции Чемберлина. Из-за реалистических рыночных условий, которые стандартная теория истолковывала в свою пользу, игнорировала или отрицала, экономическая наука надолго запоздала в продвижении по этому направлению. Если кто-либо сомневается, что Сраффе, м-с Робинсон и Чемберлину пришлось выполнить полезную задачу, дайте ему только сравнить вклад в *cost controversy*, внесенный Деннисом Робертсоном в 1924 г.,²⁰ с вкладом Сраффы 1926 г. Робертсон был одним из ведущих экономистов мирового уровня, знатоком Маршалла, если когда-либо существовал такой, и в самом расцвете своих творческих сил.

¹⁹ См.: *Stolper W. F., Samuelson P. A. Protection and Real Wages // Rev. Econ. Stud.* 1941. Vol. 9. P. 58–74; *Robinson J. Rising Supply Price // Economica.* 1941. Vol. 8. P. 1–8; *Viner J. Cost Curves and Supply Curves // Ztschr. Nationalökonomie.* 1931. Bd. 8. S. 198–232 (см. настоящее издание. — Прим. ред.); *Haberler G. Die Theorie der komparativen Kosten und ihre Auswertung für die Begründung des Freihandels // Weltwirtsch. Arch.* 1930. Bd. 32. Последняя работа дала начало целой серии статей Лернера в журнале «*Economica*» в 1932 и 1934 гг. и В. В. Леонтьева в 1934 г. в «*Quarterly Journal of Economics*». Ирвинг Фишер использовал кривую трансформации в связи с обменом между настоящим и будущим потреблением в начале века; Фредерик Бенхэм и Р. Ф. Харрод разработали ряд критических взаимосвязей, включенных в диаграммы фактор—цена.

²⁰ *Stigler G. J., Boulding K. E. Readings...* P. 143–149.

Тем не менее он все же запутался в мистических понижающихся кривых затрат конкурентной отрасли, вызывая в памяти нечто несуществующее, и так и не увидел леса за деревьями. Инстинкт реализма не подвел Робертсона — затраты *не* ведут себя так, как если бы они порождались производственной функцией с постоянной отдачей от масштаба, но он не смог преодолеть и отбросить несовместимое предположение совершенной конкуренции и вследствие этого запер себя в логических противоречиях и неясностях. От мира монополий Сраффы, где каждая из них имеет свой собственный рынок, но контролируемый частичными заместителями, лежит прямой путь к «Монополистической конкуренции и общей теории равновесия» Роберта Триффина 1940 г.,²¹ а отсюда рукой подать до «Теории монополистической конкуренции»...

Заключение

Говоря о теории монополистической, или несовершенной, конкуренции как о «революции», я наперед знаю, что вызову несогласие. Существует мнение, что каждая предполагаемая революция будет определяться своим характером. На это достаточно заметить, что Кейнс в 1936 г. частично опирался на своего предшественника 1836 г.²² Ньютон как раз добился слишком большого доверия к своим научным открытиям, которое охватило столетия. Гора — это только высокий холм; холм — это просто выпуклая равнина. Такие люди напоминают мне учителя средней школы, который никогда не ставит 100 очков за работу на том основании, что «ничто не является совершенным».

Я не возражаю против подобной семантики при условии, что она легкодоступна для понимания. Однако те, кто хорошо знаком с историей наук — как они развивались, роль новых и измененных способов мышления для характеристики их роста, даже роль мифа в автобиографии науки, — знают, что революция — это нормальный способ описания ускорения, происходящего в общем процессе развития. Старую теорию или модель, или, ис-

²¹ Triffin R. Monopolistic Competition and General Equilibrium Theory. Cambridge (Mass.), 1939. (Прим. ред.)

²² Имеется в виду О. Курно. (Прим. ред.)

пользуя терминологию Куна,²³ «парадигму», никогда не сможет уничтожить новая система фактов. Будучи скованными их собственными *Gestalts* (воззрениями), ученые (подобно влюбленным) отказываются от старой теории только тогда, когда они обнаружили новую теорию, на которую возлагают свои надежды. Чемберлин, Сраффа, Робинсон и их современники привели экономистов к новой земле, и критикующие их никогда не смогут выселить нас с нее.

²³ *Kuhn T. S. Anatomy of Scientific Revolutions. Chicago, 1962* (русский перевод: *Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.*— Прим. ред.)